

мозги и душа; когда же он поселяется в различных «телесных» — низших и внешних — частях его существа, тогда он не только не страшен, но в известном смысле, здесь он даже на своем месте.

Во всяком случае появление «свиней» на месте «бесов» есть глубоко симптоматическое явление, и оно знаменует, что болезнь преодолевается, что становится возможным процесс духовного возрождения. В этом необходимый отрицательный момент в духовном освобождении русского народа, момент без которого невозможно и его полное творческое освобождение. Марксизм со своим принципиальным и воинствующим мешанством и бестиализмом, овладевая поначалу «бесами», неизбежно должен привести в результате к «свиньям». А «бесам» в России сейчас, действительно, делать уже больше нечего, и они с естественной необходимостью вытесняются или перерождаются — «переселяются» в «свиней».

Однако, отмеченное явление есть **положительный факт**, знаменующий, так сказать, дисквалификацию «бесов» и их падение, лишь в том случае, если «свиньи» их сменяющие не будут восприняты, как единственные и законные наследники новой жизни, как это могут представлять себе те, у кого «свиньи» вообще находятся в идеологическом фаворе. Поэтому сейчас в высшей степени **ответственный момент** в исторической судьбе России. Она находится в некоем альтернативно-переходном моменте, из которого может или сползти в окончательное материалистическое свинство, превратиться в тот «город Скотопринюевск», который чудился Достоевскому, или в мощном творческом порыве взойти к тому историческому Величию, которое уготовано ей и объективными и субъективными возможностями ее судьбы. В первом случае она отойдет на задворки мировой истории, будет отброшена в самый хвост ее, ибо, как уже говорилось, не эти «идеалы», не эти «ценности» сейчас находятся в авангарде исторической динамики, — во втором случае она выйдет на тот **Путь своего высшего исторического призвания** в мире, о котором пророчествовали все ее великие мыслители, герои, создатели и духовные вожди.

От России сейчас мир ждет преображающего Нового Слова, усматривая в ее событиях исторически почти провиденциальное значение и смысл. И неужели на эти ожидания мы ответили лишь утрированной и уже вполне скотской формой того же, в чем он видит свое собственное падение и культурный маразм? Неужели вместо ожидавшегося «Города Солнца» мы ответим действительно «Скотопринюевском» Достоевского.

П. Б.

Что есть победа

Победа идеи не тоже самое, что военная победа оружия. И часто идея, добывающаяся победы силою оружия, терпит на самом деле настоящее поражение. Идея еще не побеждает в том, что носители ее достигают внешнего господства. Наоборот, сплошь и рядом такое господство означает уже с самого начала или впоследствии срыв идеи, часто приводящий ее к окончательной гибели. Многие искренние христиане считают, что Император Константин, впервые провозгласивший христианство господствующей, гос. религией, первый именно этим нанес ему самый тяжелый удар. О том же говорят и факты из истории Русского Православия, как и других религий и вероисповеданий. Считается очевидной истиной, что церковь возрождается тогда, когда становится гонимой и, наоборот, вырождается, когда сама выступает в роли гонительницы. Нечего и говорить о той страшной роли, какую в ее судьбе сыграла Инквизиция, — этот прообраз современного красного террора. О том же свидетельствует и история идеологических движений. В частности, лучшие представители социализма всегда считали, что преждевременное завоевание власти губительно для его дела. Поэтому многие из них уклонялись от власти даже тогда, когда она им сама давалась в руки.

Из всего этого следует, что победы идеи нет и не может быть там, где она насилует. Факт насилия и есть показатель того, что жизнь ее отвергает. Идее сопутствует свобода, — и не только в ее пути, но и в ее достижениях, ибо истинная идея освобождает. Следовательно, та идея, которая приносит закрепощение, есть не только ложная, но и заранее обреченная идея. Это указывает на то, что действительная победа идеи есть факт имманентного порядка. Она должна овладеть жизнью изнутри, из ее естественной закономерности. Для этого жизнь должна созреть к уровню и требованиям такой идеи и с своей стороны идея должна быть на уровне жизни и ее запросов. В первом случае идея опережает жизнь и выше ее, во втором — она отстает от жизни и ниже ее.

Выродившееся сознание современности настолько снизилось и

огрубело, что оно и победу идеи часто склонно отождествлять с внешним успехом. Так может казаться — и многим действительно кажется, что и победа коммунистов в России есть действительная, настоящая победа, хотя на самом деле — теперь уже можно подвести итоги — она явилась величайшим идейным поражением. Достаточно вспомнить ту чудовищную меру насилия, — кстати, недавно праздновался юбилей «первого чекиста» — то море пролитой крови и ту всеобщую ненависть и ожесточение, которые вызвала «реализация» там идеи социализма, чтоб понять насколько навязывание ее жизни было внешним, искусственным, противоестественным. Сам Маркс отводил насилию лишь роль «повивальной бабки» при рождении нового строя. Но в России ведь не было не только созревших родов, но не было и беременности социализмом. Для этого слишком молода еще была сама наша буржуазия, лишь недавно еще научившаяся ходить. Так что в России вместо всего состава родов на лицо была одна «повивальная бабка», которая не то что хотела преждевременный выкидыш произвести, но она хотела насильно вытащить плод там, где его вообще еще не было. Удивительно ли, что столько терзаний, пыток и чудовищных уродований пришлось испытать мнимой роженнице, попавшей под власть полоумной, изуверски преступной «бабки». В результате последствия этой страшной, пирровой «победы» социализма в России известны: нет более ненавистных в широких народных массах слов, чем все слова связанные с этим понятием. Но гром этой «победы» широким эхом отдается и во всем мире. Если теперь социализм всюду переживает безусловно смертельный кризис, то это в значительной мере есть результат его «победы» в России.

М. Дальский.

Связь времен

Каждая революция есть катастрофический распад времен. «Распалась связь времен» и в русской революции — и распалась в размерах небывалых. И пока не наступило еще то состояние, в котором будет восстановлена эта связь, существует и будет существовать три типа русских людей и политических группировок — по их отношению к историческим временам. Если большевикам пока еще принадлежит настоящее, а людям нашего типа принадлежит будущее, в котором и будет восстановлена на новой основе разорванная связь времен, то у большинства эмиграции есть своя, особая, свойственная ей одной, великая миссия, та миссия, которую никто не может взять на себя в теперешней России. Это миссия — быть на совершающемся историческом судилище представителем и защитником прошлого, быть хранителем исторической традиции. В России 17 лет ведется не только изобличение прошлого, но и клевета на него. И после большевизма в России некому будет его реабилитировать. А между тем, без надлежащего утверждения ценностей прошлого невозможно и творчество будущего. Тот, кто вздумал бы строить жизнь, отвергнув все предшествующее, должен был бы начинать историю сначала. В этом основная причина внесенной деградации большевиками. Отвергнув все прошлое, они фактически должны были начинать сначала, на пустом месте, отбросив таким образом страну к ее отдаленному исходному положению. И вот эмиграция единственная общественная сила, которая могла бы явиться представителем, свидетелем и защитником прошлого перед лицом той новой России, которая выйдет из современного состояния.

Но это не только необходимая, это в высшей степени достойная миссия. Ведь созданные ценности также ценны, как и те, что вновь создаются. Ценности измеряются не тем, когда они были созданы, а тем, что они из себя представляют. Разве величие Платона и Аристотеля умаляется от того, что они представляют древние века, а не более позднее, новое время? Дело лишь в том, что нужно быть хранителем того, что было вечного в прошлом, а не того, что было в нем временного. А перед лицом вечности — единственного судьи всего временного — прошлое, настоящее и будущее находятся в одинаковом положении и одинаковом почете.

Н. С-в.